

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.2.70.81>

ЗОЛОТАЯ ОРДА: ДВА МИРА, ДВЕ КУЛЬТУРЫ

© 2024 г. В.А. Иванов

Статья посвящена дальнейшему развитию тезиса Г.А.Федорова-Давыдова о дуальном характере государственной культуры Золотой Орды (которую некоторые современные исследователи номинируют как «имперскую»), состоящей из культуры городов и культуры степных кочевников. Результаты анализа географического соотношения наиболее крупных городов Поволжья золотоордынского времени – Булгара, Увека, Царевского (Гюлистан), Селитренного (Сарай-аль-Махруса) и Красноярского (Сарай-Бату) – и кочевнических могильников и одиночных погребений, входивших в экономическую округу (по Л.Ф. Недашковскому) этих городов показывают следующее. Присутствие или отсутствие кочевников в границах экономической округи золотоордынских городов (по Л.Ф. Недашковскому), очерченной в радиусе 30 км (один день конного пути) определялось природно-климатическими условиями Поволжья XIII–XIV вв. – период климатического оптимума. В лесостепных районах Булгарского Улуса кочевнические памятники представлены единичными погребениями, в округе Сарая-аль-Махруса и Сарай-Бату (Прикаспийская низменность) их нет вообще. Тогда как в округе Увека и Сарай-аль-Махруса известны несколько довольно крупных курганных могильников и одиночных погребений. Говорить о том, что именно население, оставившее эти памятники, испытывало наиболее сильное влияние городской «имперской» культуры не приходится: основная масса предметов, входящих в эту категорию, оказывается рассеянной по просторам Волго-Уральской степи. Что определенно указывает на то, что взаимоотношения золотоордынских кочевников с городом строилось по принципу – степь заказывает, город производит. Никак не наоборот. То обстоятельство, что некоторые предметы «имперской культуры» (зеркала в частности) встречаются в городах как раз и объясняется тем, что там они и производились. А использование их в обиходе горожан и кочевников имеет разные контексты. Таким образом, тезис Г.А. Федорова-Давыдова становится методической основой для изучения истории Золотой Орды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, кочевники, «имперская культура», городская округа, золотоордынская цивилизация.

GOLDEN HORDE: TWO WORLDS, TWO CULTURES

V.A. Ivanov

The article deals with the further development of G.A. Fyodorov-Davydov's thesis about the dual nature of the Golden Horde state culture (which some modern researchers nominate as "imperial"), consisting of both the culture of cities and the culture of steppe nomads. The results of the analysis of the geographical ratio of the largest cities of the Volga region of the Golden Horde period – Bolgar, Uvek, Tsarev (Gulistan), Selitrennoye (Sarai-al-Makhrusa) and Krasny Yar (Sarai-Batu) – and nomadic burial grounds and single burials that were part of the economic district (according to L.F. Nedashkovsky) of these cities show the following. The presence or absence of nomads within the boundaries of the economic district of the Golden Horde cities (according to L.F. Nedashkovsky), outlined within a radius of 30 km (one day of horse riding), was determined by the natural and climatic conditions of the Volga region in the XIII–XIV centuries – period of climatic optimum. In the forest steppe regions of the Ulus of Bolgar, nomadic sites are represented by single burials; around of Sarai-al-Makhrusa and Sarai-Batu (Caspian Depression) there are none at all. Whereas in the Uvek and Sarai al-Makhrusa districts, several fairly large barrow fields and single burials are identified. We can't say that this very population, which left these monuments, experienced the strongest influence of the urban "imperial" culture: the bulk of the objects, included in this category, appear to be scattered over the Volga-Ural steppe. This definitely indicates that the relationship between the Golden Horde nomads and the city was built on the principle – the steppe orders, the city produces. Not vice versa. The fact that some items of "imperial culture" (mirrors in particular) are found in cities is explained by the fact that they were produced there. And their use in everyday life of city-dwellers and nomads has different contexts. Thus, G.A. Fyodorov-Davydov's thesis becomes a methodological basis for studying the history of the Golden Horde.

Keywords: archaeology, Golden Horde, nomads, “imperial culture”, urban districts, Golden Horde civilization.

В качестве своеобразного эпиграфа к предлагаемой статье приведу два тезиса Г.А.Федорова-Давыдова – основоположника научного золотоордыноведения в отечественной археологии – касающиеся общего культурного облика Золотой Орды XIV в. Тезис первый: « **в Золотой Орде сосуществовали две основные стихии – степные кочевники и оседлое городское население** (здесь и далее выделено мной – *авт.*). **Борьба и взаимосвязь этих двух стихий** и начал нашли выражение, с одной стороны, в политических взаимоотношениях золотоордынских ханов – представителей кочевой знати – и оседлых поработанных периферийных стран, с другой стороны в культурных и экономических взаимоотношениях кочевой степи и золотоордынских половецких городов... **В XIV материальная культура кочевого населения и культура степных городов в Золотой Орде были разнородными явлениями, имевшими мало точек соприкосновения...**» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 210-211).

Тезис второй: «В силу ориентации ханов на мусульманство и городской быт среднеазиатско-иранского типа, в южнорусской степи, далекой от ислама, **вдруг пышно распускается совершенно чуждаяномадам яркая урбанистическая восточная средневековая культура** поливных чаш и мозаичных панно на мечетях, арабских звездочетов, персидских стихов и мусульманской духовной учености, толкователей Корана, математиков и астрономов, изысканно тонкого орнамента и каллиграфии. **Эта культура была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи**» (Федоров-Давыдов, 1976, с. 118).

Но 20-ю годами позже в предисловии к первой части своей монографии «Золотоордынские города Поволжья» ученый высказал следующее: «Современники и историки писали о политических событиях, войнах, о монгольских ханах, грабительских данях, борьбе коренных народов с этим государством, стремились оценить его роль в историческом процессе. **Но сама цивилизация этого государства (прежде всего быт и культура золотоордынских городов)** оста-

валась в тени, почти не освещенная историческими письменными источниками... Политика, государственные события, войны, социальная борьба – вот важнейшие объекты исторического изучения. Но они могут быть поняты, прочувствованы историком только тогда, когда ему станет в деталях доступна для обозрения та обстановка исторической жизни, которая осталась от древних людей **и сохранилась, прежде всего, в памятниках археологии**» (Федоров-Давыдов, 1994, с. 3).

Из контекста приведенной фразы становится ясно, что «золотоордынская цивилизация» в понимании Г.А.Федорова-Давыдова – это, прежде всего, город и городская жизнь. Его коллеги и последователи не только развили этот тезис, но и дополнили его таким содержанием, как «имперская культура» (Исхаков, Измайлов, 2007, с. 107), «цивилизационная дупольность, выросшая из двух систем хозяйствования – степной кочевнической и оседлой (сельской и городской)» (Крамаровский, 2000, с. 136). Или представляющая собой «уникальный синтез элементов кочевой (имперской) и оседлой экономики, культуры, государственных, политических и правовых традиций» (Почекаев, 2019, с. 330).

И наконец, Э.С.Кульпин рисует сложный и многогранный облик золотоордынской цивилизации. Базой её также являлся город (Кульпин, 2004, с. 181-182), а специфическими признаками – способность ведущего этноса (кыпчаки/половцы? – *авт.*) «к быстрому процессу обучения, изменения развития и творчества... создание без видимого напряжения **городской цивилизации** в крайне неблагоприятных природных условиях... в комфортных и здоровых условиях жизни не только элиты, но всего городского населения, ... в сохранении традиционных этнических местных элит и локальных норм жизни, в уважении государства к нравам и обычаям разных этносов, выразившийся в отсутствии попыток навязать повсеместно единый стиль жизни... в соединении воедино, разомкнутых пространственно, полисов и хоры Нижнего Поволжья. Точнее в организации там системы четырех взаимосвязанных хозяйственных зон – кочевого животноводства, полевого хлебо-

Рис. 1. Город Булгар и его кочевая округа. 1 – Бальмерский; 2 – Рождественское; 3 – Алексеевское; 4 – погребение на Бабьем бугре; 5 – на Песчаном острове.

Fig. 1. Bolgar city and its nomadic district. 1 – Balymer; 2 – Rozhdestveno; 3 – Alekseyevskoye; 4 – burial on Babiy Bugor; 5 – on Peschany Ostrov.

пашества, городского огородничества и садоводства и городской промышленности» (Кульпин, 2011, с. 117). Вместе с тем, исследователь считал, что для выявления кода золотоордынской цивилизации пока недостаточно фактического материала (Кульпин, 2011, с. 119).

То есть, следует признать, что многие аспекты истории Золотой Орды мы излагаем в виде исторических дискурсов. А дискурс, как его определяют философы, «это речемыслительная деятельность, осуществляемая на основе языковых и социокультурных кодов (правил, традиций, ценностей) определенной общественной практики... посредством которой люди – в границах данной практики – реализуют свои когнитивные и/или коммуникативные потребности» (Кротков, Носова, 2009, с. 44).

Здесь небезинтересно будет привести высказывание голландского философа, профессора университета Гронингема Ф.-Р. Анкерсмита о том, что, в отличие от естественных и точных наук, «историческое сочинение, хотя бы отчасти, представляет собой авторское самовыражение, к тому же написано оно было для нужд *этого*¹ автора» (Анкерсмит, 2007, с. 20). То есть, если называть вещи своими именами, то наши исторические (или исто-

рико-археологические) дискурсы есть ничто иное, как отображение нашего субъективного видения и понимания той или иной исторической ситуации, к тому же отдаленной от нас на огромный промежуток времени. Здесь я ставлю точку.

И перехожу к тому обстоятельству, что одним из наиболее сейчас выразительных источников по истории Золотой Орды является археологический материал. Конечно, это специфический источник, который (хотя фрагментарно и статично) объективно, независимо от наших коммуникативных задач и потребностей, отражает некогда существовавшую историческую реальность. Какую же информацию, в контексте цели настоящей статьи, он может нам дать?

Начнем с пространственно-географического соотношения золотоордынских городов (как цивилизационной базы Золотой Орды) и обозначенной соответствующими археологическими памятниками территории обитания кочевников, как одной из экономических систем, обуславливавшей «цивилизационную двуполосность» этого государства.

Многую были составлены карты местоположения золотоордынских городов Поволжья и кочевнических курганов, расположенных в

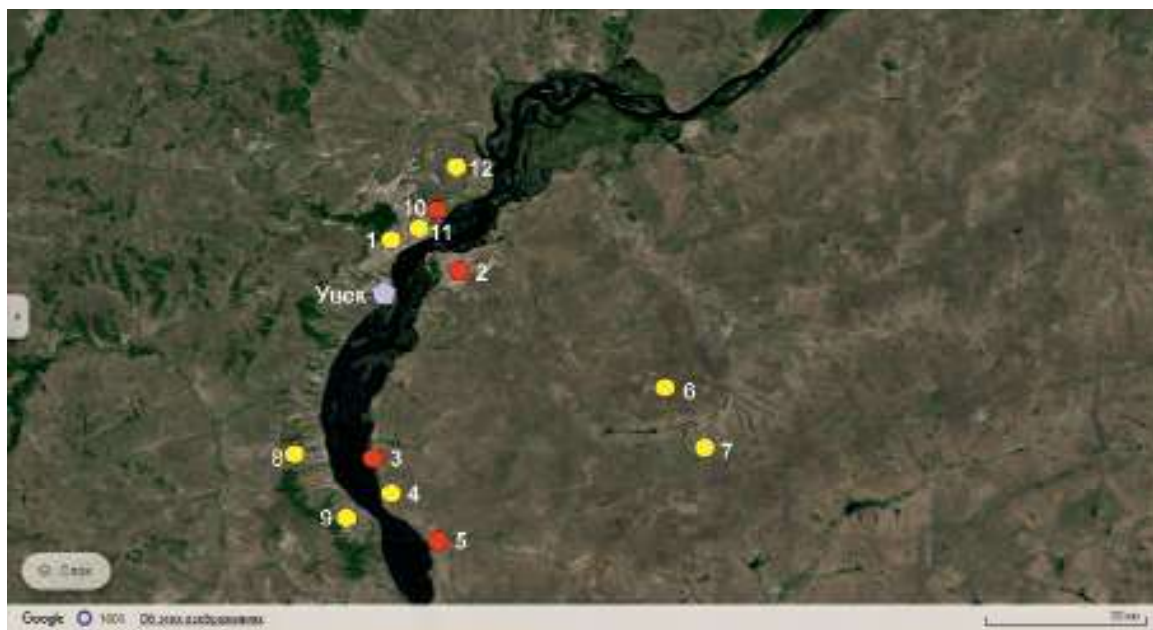

Рис. 2. Город Увек/Укек и его кочевая округа. 1 – Саратов; 2 – Покровск; 3 – Зауморье; 4 – Козицкое; 5 – Скатовка; 6 – Мариенталь; 7 – Новополиповка; 8 – Крутец; 9 – Мордово; 10 – Усть-Курдюм; 11 – Долгий Буерак; 12 – Расловка.

Fig. 2. Uvek/Ukek city and its nomadic district. 1 – Saratov; 2 – Pokrovsk; 3 – Zaumorye; 4 – Kozitskoye; 5 – Skatovka; 6 – Mariental; 7 – Novopolipovka; 8 – Krutets; 9 – Mordovo; 10 – Ust-Kurdyum; 11 – Dolgiy Buyarak; 12 – Raslovka.

их округе в радиусе 30 км,² начиная с севера, т.е. с территории города Булгара и его округи³. В окрестностях г.Булгара сейчас известны один могильник – Балымерский (5 погребений)⁴ и 5 одиночных захоронений⁴ – на Бабьем бугре, на Рождественском IV могильнике, Алексеевское и на могильнике Песчаный остров (2 погребения) – золотоордынских кочевников (рис. 1). Причем, все одиночные захоронения кочевническими считаются только по набору сопровождающих предметов, поскольку никаких курганных насыпей над ними не зафиксировано. Примечательно, что единственное кочевническое погребение на Бабьем бугре – могильнике, оставленном полиэтничной группой населения Булгара (Газимзянов, 2001) – женское. А оказаться в Булгаре эта «кочевница» могла при разных обстоятельствах, в том числе и выйдя замуж за булгарина.

Что касается кочевников, оставивших Балымерские курганы, то обстоятельства их прихода в окрестности города (курганы находятся в 15 км южнее г.Булгара)⁵ (рис. 1) так же могут быть самые разные. Лично мне, например, интересной представляется точка зрения И.Л.Измайлова, согласно которой «группа населения, оставившая Балымерские курга-

ны, очевидно, являлась воинским контингентом, обеспечивающим стабильность новой власти в землях бывшей Булгарии» (Измайлов, 2009, с. 456).

Но в целом из карты, приведенной на рис. 1, видно, что четыре из десяти кочевнических погребений, выявленных в центральной части Булгарского Улуса Золотой Орды, находились на расстоянии более чем 50 км от города. Заинтересованный читатель сам волен решать, насколько археологическая эмпирика соответствует выводу К.А.Руденко о наличии единого кыпчакского этнокультурного комплекса в составе Булгарского Улуса (Руденко, 2017, с. 209).

Далее спустимся вниз по Волге/Итилю до следующего крупного золотоордынского города Увек/Укек. Там в окрестностях города известны четыре могильника – Покровский (20 погребений золотоордынского времени), Ровное (12 погребений), Зауморье (15 погребений), Усть-Курдюм (12 погребений) – и 8 одиночных захоронений (рис. 2). Примечательно, что три из четырех могильников расположены на левом, низменном берегу Волги, а на правом нагорном берегу – 5 погребений из 8 на расстоянии от 6 до 40 км вверх и вниз от города по течению реки.

Рис. 3. Царевское городище (Гюлистан) и его кочевая округа. 1 – Ленинское; 2 – Солодовка; 3 – Царевский; 5 – I-III Бахтияровские; 6 – Заплавное; 7 – Маляевка; 8 – Кильяковка; 9 – Тингутинское; 10 – Аксай; 11 – Заяры.
Fig. 3. Tsarev ancient settlement (Gulistan) and its nomadic district. 1 – Leninsk; 2 – Solodovka; 3 – Tsarev; 5 – I-III Bakhtiyarovka; 6 – Zaplavnoye; 7 – Malyaevka; 8 – Kilyakovka; 9 – Tingutinskoye; 10 – Aksai; 11 – Zayary.

Можно предположить, что именно волжское левобережье напротив Увека было основной территорией обитания кочевников, обеспечивавших город продуктами степного скотоводства на ранних этапах его существования. Как известно, Увек/Укек – один из наиболее ранних золотоордынских городов Поволжья (Недашковский, 2009, с. 211; Малов, 2018, с. 253). Поэтому до образования и расширения его сельской округи заволжская степь чисто кочевническим «доменом».

Далее городище Царевское (Гюлистан), вокруг которого по левому берегу Ахтубы на расстоянии 6-18 км от города располагались 5 кочевнических могильников: Ленинское (6 погребений), Солодовка II (11 погребений), Царевский (25 погребений)⁶, Маляевка (6 погребений)⁷ и I-III Бахтияровские (93 погребения) (рис. 3).

Если исходить из географической статистики, то именно в окрестностях Царевского городища (Гюлистана) сосредоточены 21,5% кочевнических погребений Золотой Орды от известных сейчас в степях Заволжья и Южного Предуралья 650 погребений.

Низовья р.Волги между городищами Селитренное и Красноярское (около 80-ти км вдоль левого берега Ахтубы) в плане интересующей нас темы дают неожиданную (хотя и объясни-

мую, о чем речь пойдет ниже) картину. Необходимо отметить, что в моем представлении Селитренное городища долгое время ассоциировалось с городом Сарай-Бату. Но сейчас таковым считается Красноярское городище у начала Волжской Дельты (Васильев, 2011, с. 65; Пачкалов, 2010, с. 302). А городище Селитренное – это, очевидно, Сарай-аль-Махруса.

Между ними, примерно на равном расстоянии от обоих городищ, на дюне Лапас найдено погребение, содержащее квадратную орнаментированную золотую бляшку и восемь монет конца 50-х – начала 60-х гг. XIV в. (Филипченко, 1958, с. 247). Оставлено ли оно кочевниками или горожанами – определить весьма сложно, если вообще возможно (рис. 4).

Трудно сказать что-либо определенное и о т.н. Сеитовских курганах, обозначенных как один из объектов хозяйственной округи городища Шареный Бугор (Недашковский, 2010, с. 154). Памятник этот никем не исследовался, а по описанию В.Д.Белецкого 1957 г., на которое ссылается Л.Ф.Недашковский, эти «курганы» могут оказаться и руинами мавзолеев.

Что касается крупного могильника Маячный бугор – пригородного некрополя Красноярского городища (Сарай-Бату) – то, по

Рис. 4. Городища Селитренное (Сарай-аль-Махруса) и Красноярское (Сарай-Бату) и их кочевая округа. *1 – Дюна Лапас.*

Fig. 4. Selitrennoye (Sarai-al-Makhrusa) and Krasny Yar (Sarai-Batu) ancient settlements and their nomadic districts. *1 – Dyuna Lapas.*

результатам антропологических исследований, он был оставлен оседлым, преимущественно ремесленным населением (Балабанова, Перерва, 2013, с. 78).

Итак, какую информацию в интересующем нас контексте мы можем извлечь из результатов картографирования золотоордынских городов и кочевников Поволжья? Во-первых, лесостепной ландшафт Среднего Заволжья и Нижнего Закамья⁸ – территория Булгарского Улуса с центром в Булгаре – отнюдь не способствовал массовому расселению здесь кочевников. Что и прослеживается на количестве выявленных соответствующих памятников в окрестностях г.Булгара.

Во-вторых, отсутствие кочевнических памятников в окрестностях городов Сарай-аль-Махруса и Сарай-Бату (территория Прикаспийской низменности) объясняется тем, что в XIII-XIV вв. – период климатического оптимума в евразийских степях – эта территория превращается хотя и в степь, но сухую. Это создало определенные благоприятные условия для кочевого скотоводства и сопутствующей ему степной охоты (Иванов, Васильев, 1995, с. 175; Якимов и др., 2007, с. 204), но не настолько, чтобы Прикаспийская низменность превратилась в зону круглогодичного кочевания. Иными словами, кочев-

ники, наверное, туда заходили, но и тут же уходили на более благоприятные территории.

Л.Ф.Недашковский применительно к городам Золотой Орды вводит понятие городской округи, под которой, по его мнению, следует понимать «близлежащие к городу территории, зависимые от него административно и экономически» (Недашковский, 2010, с. 18). На примере Селитренного городища (Сарай-аль-Махруса) и городища Шареный Бугор исследователь относит к их округе археологические объекты, расположенные на расстоянии не более 60 км (два дня конного пути – *авт.*) (Там же, с. 89). Так что кочевнические памятники туда не попадают, что вполне логично – кочевники в этот радиус заходили, но только для торговли (продавать скот городу было нужно, да и городские базары посетить тоже было не лишним) (рис. 4).

Наиболее оптимальными для кочевничества в рассматриваемое время являлись степи Заволжья от Самарской Луки на севере до Царевского городища (Гюлистан) на юге, поскольку в XIII-XIV вв. они пребывали в стадии повышенного, даже по сравнению с настоящим временем, увлажнения (Якимов и др., 2007, с. 198-200). Это, надо полагать, будет первый фактор, обусловивший концен-

трацию кочевнических погребений в окрестностях указанных городищ и между ними.

Второй фактор – традиционность: начиная с огузо-печенежского времени (X-XI вв.) указанные территории являлись районом наибольшей концентрации кочевнических погребений, главным образом огузских. И не случайно в Ленинском, Солодовка, Царевском, Бахтияровском могильниках обнаружены, хотя и единичные, захоронения огузов.

Третий фактор – Л.Ф.Недашковский перечисленные кочевнические могильники и одиночные погребения включает в хозяйственную округу Увека и Сарай-аль-Махруса (Недашковская, 2010, с. 10-11, рис. 1, 32, рис. 2). С одной стороны, исходя из близкого расстояния между этими могильниками и городами, это логично. Но с другой – сейчас общепризнано, что столичные города Золотой Орды возникли в XIV в. Когда возникли кочевнические могильники, территориально связанные со столицами, сказать трудно. Хронология кочевнических древностей Золотой Орды до сих пор остается в диапазоне XIII-XIV вв. Некоторую ясность здесь могли бы внести монеты, но языческие погребения, содержащие оружие, украшения и детали костюма составляют 41% от 51 погребения, в котором найдены монеты Джучидов. Поэтому то обстоятельство, что появились эти могильники ещё до постройки городов, полностью исключать невозможно.

Ещё один момент – присутствие кочевников вблизи города подразумевает, прежде всего, поставку ими горожанам мяса и других продуктов степного скотоводства. И действительно, в ранних слоях культурного слоя Увека/Увека, датированных концом XIII- началом XIV вв., преобладают остатки мелкого рогатого скота, свидетельствующие о преобладании баранины в мясном рационе первых обитателей этого города. Но затем, уже со второго десятилетия XIV в., «в остеологическом спектре домашних копытных резко возросла доля крупного рогатого скота, а доля говядины в мясном потреблении приблизилась к 80%». Л.В.Яворская связывает это явление с развитием сельской округи города, где в основном и разводился крупный рогатый скот (Яворская, 2022, с. 14-15). И в принципе, можно предположить, что расширение сельской округи Увека – а она вокруг него выглядит наиболее плотной (Недашковский, 2010, илл. 1) – и

появление нового столичного города Сарай-аль-Махруса могли изменить направленность торговых интересов кочевников. Очевидно этим и объясняется то обстоятельство, что, по результатам остеологических исследований, на Царевском и Селитренном городищах, при весьма слабо выраженной поселенческой округе возле них, «совокупная доля мясных продуктов степного скотоводства – баранины и конины – самая высокая из всех изученных золотоордынских городов и составляет свыше 40%» (Яворская, 2022, с. 15).

И наконец, обратимся к такому фактору, как «имперская культура», генератором и транслятором которой являлись золотоордынские города. «...процесс формирования единой государственной культуры, который под мощным воздействием государственной политики деспотического государства охватывает первоначально городские центры, а затем и периферию, сначала оседлую, а затем и более консервативную – степную» (Зеленева, 2009, с. 237). Составляющими элементами «имперской культуры» Золотой Орды, по мнению авторов этого понятия, являются, кроме урбанистической восточной культуры, несколько категорий вещей, принесенных монголами с востока и в XIII-XIV вв. получивших широкое распространение среди кочевников Восточной Европы. К ним относятся: серьги-подвески в виде знака вопроса, бронзовые зеркала с орнаментированной тыльной поверхностью⁹, железные плоские наконечники стрел-срезней, костяные орнаментированные накладки на колчан, головной убор бокка. Именно эти вещи, очевидно, и производились в городских мастерских (Блохин, Яворская, 2006, с. 186-194; Зеленева, 2009, с. 226-229; Недашковский, 2010, с. 172-186) и за ними кочевники и приезжали в город, выменивая их на скот.

Сами горожане, безусловно, тоже пользовались этими вещами. Например, бронзовые зеркала встречены в материалах Увека, Царевского (Гюлистан) и Селитренного (Сарай-аль-Махруса) городищ (в общей сложности – более 60 экз.) (Недашковский, Ракушин, 1998: 1998а). Более 200 зеркал золотоордынского времени найдены на городищах Булгар, Джукетау и прилегающих поселениях (Руденко, 2004). По мнению исследователей, Булгар был центром зеркального производства в Золотой Орде или, по крайней мере, одним

из центров (Зеленева, 2009, с. 227; Руденко, 2004, с. 125).

Если исходить из территории распространения указанных предметов, то нельзя сказать, что кочевники, оставившие свои курганы в окрестностях золотоордынских городов, как-то выделялись из общей массы волго-уральских кочевников в плане частоты использования элементов «имперской культуры» в своем обиходе. Эти элементы оказываются рассеянными по всему пространству кочевой степи и только меньшая их часть найдены в могильниках возле золотоордынских городов¹⁰. Для примера: бронзовые зеркала, которые в городах и производились, сейчас найдены в 258 кочевнических погребений в восточноевропейских степях. Из них только 14,7% погребений в могильниках в окрестностях городов. Серьги в виде знака вопроса (всего 163 погребения) – 13,4% в окрестностях городов. Бокка (124 погребения) – 16,9%. Из них 4,8% погребений происходят из Маячного могильника, который, как было сказано выше, является некрополем горожан-ремесленников.

Что касается предметов вооружения, то такой элемент «имперской» воинской культуры, как костяные орнаментированные накладки на колчан (всего найдены в 78 погребениях), действительно, в кочевнических погребениях в окрестностях городов встречается чаще – 23% от всех погребений, содержащих этот предмет.

Мне уже приходилось писать о том, что перечисленные предметы являются элементами не «имперской», а именно кочевнической культуры Золотой Орды, которая мало или вообще не связана с городской культурой этого государства (Иванов, 2013)¹¹. Вернее, связана, но по принципу – степь заказывает, город производит. Здесь уместно привести высказывание М.Г. Крамаровского: «всегда характер взаимосвязей этих двух линий (в экономике, процессах демографии, **культуре**) определялся степью. Степная составляющая обладала тем преимуществом, что в большей мере, чем городская, например, отражала поведенческие стереотипы новой для Дешт-и

Кыпчак воинской и административной элиты» (Крамаровский, 2000, с. 136).

Одним словом, одинаковые вещи, встреченные в комплексах материальной культуры золотоордынского города и кочевой степи, имели разные контексты. В первом случае это предмет обихода, во втором – такой же предмет наделялся определенными сакральными свойствами. Почему и сопровождал покойного в загробную жизнь.

Подводя итог сказанному можно сделать **следующие выводы:**

Концепции седентаризации кочевников Золотой Орды и их культурного симбиоза с городом (образование «имперской культуры») имеют выраженный дискурсивный характер, что, как известно, противопоставляет его «интуитивному познанию, основанному на **непосредственном созерцании и интуиции**». В нашем случае – на анализе археологического материала. Эмпирической основой данной концепции являются кочевнические могильники и погребения в радиусе 30 км от указанных городов. Свою альтернативную точку зрения на сей счет я уже имел возможность высказать (Иванов, 2017; 2021).

Результаты анализа географического соотношения золотоордынских городов и кочевнических погребений показывают, что расселение кочевников в XIII-XIV вв. определялось природно-климатическими условиями того времени. Чем и объясняется малое количество кочевнических памятников в окрестности (экономической округе – по Л.Ф.Недашковскому) города Булгара и их полное отсутствие в округах городов Сарай-аль-Махруса (Селитренное) и Сарай-Бату (Красноярское). Первое обстоятельство не подтверждает вывода о значительной роли кочевнического компонента в этническом составе Булгарского Улуса XIII-XIV вв.

Таким образом, тезис Г.А.Федорова-Давыдова о выраженном дуализме культурного пространства Золотой Орды по мере расширения эмпирической базы по истории этого государства получает свое дополнительное подтверждение.

Примечания:

¹ Курсив Анкерсмита.

² 30 км – расстояние, преодолеваемое в среднем верховой лошастью в течение одного дня.

³ Территории, номинируемой как Булгарский улус Золотой Орды (Измайлов, 2009). Могильниками названы

кочевнические некрополи, содержащие 3 и более захоронений. Все остальные обозначены как одиночные погребения.

⁴ Здесь и далее количество погребений указано по данным моей компьютерной базы, составленной в основном по опубликованным материалам.

⁵ Из пяти найденных в них погребений два – женские.

⁶ Вообще-то, по опубликованным материалам, на Царевском могильнике выявлено 96 погребений. Но к кочевническим, судя по наличию курганов и соответствующего инвентаря относятся 25 погребений. Остальные – безинвентарные мусульманские, совершенные в кирпичных мавзолеях-мазарах (Мыськов, 2015, с. 295-324).

⁷ Аналогично в Маляевке выявлено 44 погребения золотоордынского времени. Но к кочевническим, по наличию соответствующих предметов инвентаря, можно отнести 6 погребений. (Мыськов, 2015, с. 330-344). Отмечу, что Маляевские «курганы», по мнению Д.В.Васильева (в личной беседе с автором) это руины мавзолеев. То есть, их отношение к кочевникам не абсолютное.

⁸ А таковым он становится, в том числе, и в результате действия антропогенного фактора – вырубка домонгольскими булгарами лесов (Воронина, 2007, с. 157-158; Шайхуллин, Рахимов, 2010).

⁹ В частности, форма для отливки зеркал с растительным орнаментом на тыльной стороне была найдена на Селитренном (Сарай-аль-Махруса) городище (Недашковский, Ракушин, 1998, с. 89).

¹⁰ Могильниках, которые по количеству погребений являются наиболее многочисленными.

¹¹ Причем, это не только мое мнение (Зеленев, 2009, с. 209).

ЛИТЕРАТУРА

- Анкерсмит Ф.-Р.* Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007. 612 с.
- Балабанова М.А., Перерва Е.В.* Маячный бугор могильник Красноярского городища золотоордынского времени (антропология). Волгоград: ФГБОУ ВПО «Волгоградский филиал РАНХиГС», 2013. 213 с.
- Блохин В.Г., Яворская Л.В.* Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья: учеб. пособие. Волгоград: ВолГУ, 2006. 268 с.
- Васильев Д.В.* О пути Гильома Рубрука через дельту Волги и о населенных пунктах, которые он посетил // Золотоордынское наследие: материалы второй международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2 / Отв. ред. Миргалеев И.М. Казань: Фолиант, 2011. С. 64–72.
- Воронина Р.Ф.* Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983-1985 годов. М.: Наука, 2007. 164 с.
- Газимзянов И.Р.* Еще раз о могильнике «Бабий бугор» // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е. П. Казаков, С. И. Валиулина, Р. М. Валеев. Казань: КГУ, 2001. С. 132–136.
- Зеленев Ю.А., Курочкина С.А.* Золотоордынский город Сарай ал-Джедид (результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994 – 2000 гг.). Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2009. 264 с.
- Иванов В.А.* Проблема формирования «имперской культуры» Золотой Орды и ее роли как ареалообразующего фактора для народов Урало-Поволжья // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 179–188.
- Иванов В.А.* Город и степь Улуса Джучи (Золотой Орды) – историческая антитеза // Золотоордынская цивилизация. 2017. №10. С. 162–167.
- Иванов В.А.* Седентаризация средневековых кочевников Восточной Европы: понимание и проявление // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9. № 2. С. 272–295.
- Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1995. 264 с.
- Измайлов И.Л.* Булгарский улус: Булгар и другие эмираты // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 448–470.
- Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). Казань: Школа, 2007. 356 с.
- Крамаровский М.Г.* Золото Чингизидов: джучидская сокровищница // Золото Золотой Орды. Каталог выставки / Ред. М.Г. Крамаровский. СПб.: Славия, 2000. С. 132–207.
- Кротков Е.А., Носова Т.В.* О природе философского (метафизического) дискурса // Эпистемология и философия науки. 2009. Т. 21, № 3. С. 41–60.
- Кульпин З.С.* Золотая Орда: Судьбы поколений. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 192 с.

Кульпин Э.С. Цивилизация Золотой Орды // Монгольская империя и кочевой мир / Ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин, Т.Д. Скрынникова. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 167–184.

Малов Н.М. Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратовского университета. Новая серия. Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 523–527.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: РАНХиГС, 2015. 484 с.

Недашковский Л.Ф. Укек и его округа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII- середина XV в. / Науч. ред. М.А. Усманов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 210–215.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские города Нижнего Поволжья и их округа. М.: Вост. лит-ра, 2010. 352 с.

Неашковский Л., Ракушин А. Бронзовые зеркала второй половины X-XIV в. из музеев Саратовской области // ТА. 1998. №2 (3). С. 87–108.

Недашковский Л., Ракушин А. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища // ТА. 1998а. №1 (2). С. 32–51.

Пачкалов А.В. К вопросу об имени золотоордынского города, находившегося на месте Красноярского городища в дельте Волги // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2 / Отв. ред. Б.Р. Рахимзянов. Казань: Ихлас, 2010. С. 300–309.

Почекаев Р.Ю. Золотая Орда // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / Отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. М.: Наука, 2019. С. 300–330.

Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004. №1-2 (12-13). С. 111–156.

Руденко К.А. Кочевники в Булгарском Улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 189–211.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: МГУ, 1966. 274 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.

Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: керамика, торговля, быт. М.: МГУ, 2001. 254 с.

Филипченко В.А. О новых находках на территории Астраханской области // СА. 1958. № 1. С. 245–247.

Шайхуллин Р.М., Рахимов И.И. Изменение ландшафтного облика Среднего Поволжья в различные исторические периоды // Вестник ТГПУ. 2010. №3 (21). Доступно по URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-landshaftnogo-oblika-srednego-povolzhya-v-razlichnye-istoricheskie-periody/viewer> (дата обращения: 16.04.2024)

Яворская Л.В. К проблеме обеспечения мясными продуктами золотоордынских городов Нижней Волги: новые исследования археологических коллекций // Археология Евразийских степей. 2022. № 4. С. 13–19.

Якимов А.С., Дёмкин В.А., Алексеев А.О. Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII-XIV вв. н.э.). М.: Инфосфера, 2007 228 с.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник научно-образовательной лаборатории Патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы (г.Уфа, Россия), ivanov-sanych@inbox.ru

REFERENCES

Ankersmit, F.-R. 2007. *Vozvyshennyi istoricheskiy opyt (A sublime historical experience)*. Moscow: “Evropa” Publ. (in Russian).

Balabanova, M. A., Pererva, E. V. 2013. *Maiachnyi bugor — mogil'nik Krasnoiarskogo gorodishcha zolotoordynskogo vremeni (antropologiya) (Mayachni Bugor, the Burial Ground of the Krasny Yar Hillfort,*

Golden Horde Time: Anthropology). Volgograd: Volgograd branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).

Blokhin, V. G., Yavorskaya, L. V. 2006. *Arkheologiya zolotoordynskikh gorodov Nizhnego Povolzh'ya (Archaeology of the Golden Horde cities of the Lower Volga region)*. Volgograd: Volgograd State University (in Russian).

Vasil'ev, D. V. 2011. In Mirgaleev, I. M. (ed.). *Zolotoordynskoe nasledie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoi Ordy»*. 29 - 30 marta 2011 g (*Heritage of the Golden Horde. Proceedings of the International Scientific Conference "Political and Socio-Economic History of the Golden Horde." March 29-30, 2011.*) 2. Kazan: "Foliant" Publ.; Institute of History named after Sh. Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences Publ., 64–72 (in Russian).

Voronina, R. F. 2007. *Lyadinskie drevnosti: iz istorii mordvy-mokshi: konets IX – nachalo XI veka: po materialam Tsninskoy arkheologicheskoy ekspeditsii 1983-1985 godov (Lyada antiquities: from the history of Mordvin-Moksha: the end of the IX – beginning of the XI century: based on the materials of the Tsna archaeological expedition in 1983-1985)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Gazimzyanov, I. R. 2001. In Kazakov, E. P., Valiulina, S. I., et al. (eds.). *Voprosy drevnei istorii Volgo-Kam'ia (Issues of the Ancient History of the Volga-Kama Region)*. Kazan: Kazan State University, 132–136 (in Russian).

Zeleneev, Yu. A., Kurochkina, S. A. 2009. *Zolotoordynskii gorod Sarai al-Dzhedid (rezul'taty arkheologicheskikh issledovaniy na Tsarevskom gorodishche v 1994–2000 gg.) (The Golden Horde City Sarai al-Jedid (the Results of Archaeological Studies at Tsarevskoye Settlement in 1994–2000))*. Yoshkar-Ola: Mari State University, 6–12 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2013. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 179–188 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya (The Golden Horde civilization)* 10, 162–167 (in Russian).

Ivanov, V. A. 2021. In *Zolotoordynskoe obozrenie (Golden Horde Review)* 9 (2), 272–295 (in Russian).

Ivanov, I. V., Vasil'ev, I. B. 1995. *Chelovek, priroda i pochvy Ryn-peskov Volgo-Ural'skogo mezhdurech'ia v golotsene (Man, Nature and Soils of the Ryn Desert on the Volga-Ural Interfluvium in the Holocene)*. Moscow: "INTELLEKT" Publ. (in Russian).

Izmaylov, I. L. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriya tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 448–470 (in Russian).

Iskhakov, D. M., Izmaylov, I. L. 2007. *Etnopoliticheskaya istoriya tatar (III – seredina XVI vv.) (Ethnopolitical history of the Tatars (3rd – mid-16th centuries))*. Kazan: "Shkola" Publ. (in Russian).

Kramarovskii, M. G. 2000. In Kramarovskii, M. G. (ed.). *Zoloto Zolotoy Ordy. Katalog vystavki (The gold of the Golden Horde. Exhibition catalogue)*. Saint Petersburg: "Slaviia" Publ., 132–207 (in Russian).

Krotkov, E. A., Nosova, T. V. 2009. In *Epistemologiya i filosofiya nauki (Epistemology and philosophy of science)* 21 (3), 41–60 (in Russian).

Kulpin, Z. S. 2011. *Zolotaya Orda: Sud'by pokoleniy (The Golden Horde: the fate of generations)*. Moscow: "LIBROKOM" Publ. (in Russian).

Kulpin, E. S. 2004. In Bazarov, B. V., Kradin, N. N. (eds.). *Mongol'skaya imperiya i kochevoy mir (The Mongol Empire and the nomadic world)*. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 167–184 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2018. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta (Proceedings of the Saratov University. New Series)* 18 (4), 523–527 (in Russian).

Mys'kov, E. P. 2015. *Kochevniki Volgo-Donskikh stepei v epokhu Zolotoi Ordy (Nomads of the Volga-Don Steppes in the Golden Horde Period)*. Volgograd: "RANKhiGS" Publ. (in Russian).

Nedashkovskii, L. F. 2009. In Usmanov, M. A. (ed.). *Istoriya tatar s drevneishikh vremen v semi tomakh. Tom III: Ulus Dzhuchi (Zolotaia Orda). XIII – seredina XV (History of the Tatars since Ancient Times in seven volumes. Volume 3: The Ulus of Jochi (the Golden Horde). 13th – mid. 15th cc.)*. Kazan: Institute of History named after Shigabuddin Mardzhani, Tatarstan Academy of Sciences, 210–215 (in Russian).

- Nedashkovskii, L. F. 2010. *Zolotoordynskie goroda Nizhnego Povolzh'ia i ikh okruga (The Golden Horde Cities of the Lower Volga Region and Their Suburbs)*. Moscow: "Vostochnaia Literatura" Publ. (in Russian).
- Nedashkovskii, L., Rakushin, A. 1998. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 3 (2), 87–108 (in Russian).
- Nedashkovskii, L., Rakushin, A. 1998a. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 2 (1), 32–51 (in Russian).
- Pachkalov, A. V. 2010. In Rakhimzyanov, B. R. (ed.). *Srednevekovye tiurko-tatarskie gosudarstva (Medieval Turkic-Tatar States)* 2. Kazan: "Ikhlas" Publ., 300–309 (in Russian).
- Pochekaev, R. Yu. 2019. In Bazarov, B. V., Kradin, N.N. (eds.). *Kochevye imperii Evrazii: osobennosti istoricheskoy dinamiki (Nomadic Empires of Eurasia Features of Historical Dynamics)*. Moscow: "Nauka" Publ., 300–330 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2004. In *Tatarskaia arkheologiya (Tatar Archaeology)* 12–13 (1–2), 111–156 (in Russian).
- Rudenko, K. A. 2013. In *Povolzhskaia arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 4 (2), 189–211 (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1966. *Kochevniki Vostochnoi Evropy pod vlast'iu zolotoordynskikh khanov: Arkheologicheskie pamiatniki (East-European Nomads under the Golden Horde's Khans: Archaeological Sites)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 1976. *Iskusstvo kochevnikov i Zolotoi Ord. Ocherki kul'tury i iskusstva narodov Evraziiskikh stepei i zolotoordynskikh gorodov (Art of nomads and Golden Horde. Essays on Culture and Art of the Peoples of Eurasian Steppes and Golden Horde Cities)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
- Fedorov-Davydov, G. A. 2001. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ia: keramika, torgovlia, byt (Golden Horde Cities in the Volga Area: Pottery, Trade, Everyday Life)*. Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Filipchenko, V. A. 1958. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* 1, 245–247 (in Russian).
- Shaykhullin, R. M., Rakhimov, I. I. 2010. In *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta (Bulletin of the Tatar State Humanitarian Pedagogical University)* 3. Available at: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-landshaftnogo-oblika-srednego-povolzhya-v-razlichnyeh-istoricheskie-periody/viewer> (accessed 16.04.2024) (in Russian).
- Yavorskaya, L. V. 2022. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 13–19 (in Russian).
- Yakimov, A. S., Demkin, V. A., Alekseev, A. O. 2007. *Prirodnye usloviia stepei Nizhnego Povolzh'ia v epokhu srednevekov'ia (VIII–XIV vv. n.e.) (Natural Conditions of the Steppes of the Lower Volga Region in the Middle Ages (8th-15th cc. AD))*. Moscow: "Inosfera" Publ. (in Russian).

About the Author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. October Revolution St., 3a, Ufa, 450000, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru

Статья поступила в журнал 01.02.2024 г.
Статья принята к публикации 01.04.2024 г.

